

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ: ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.07

Правильная ссылка на статью:

Рогозин Д. М. Как возможна оргазмология? : рец. на кн.: Jagose A. *Orgasmology* // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 175—182.

For citation:

Rogozin D. M. Is orgasmology possible? Book review: Jagose A. *Orgasmology* // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016. № 1. P. 175—182.

Д. М. Рогозин
КАК ВОЗМОЖНА ОРГАЗМОЛОГИЯ?
Рецензия на книгу:
Jagose A. *Orgasmology*. London : Duke University Press, 2013

Оргазм — объект, нечасто попадающий в поле академических исследований. Не принято говорить о нем и обсуждать его не только публично, но и в интимной обстановке. Оргазм в современном мире все еще воспринимается как неартикулированное, невозможное для осмысления состояние, нечто, находящееся в тени человеческих отношений. Аннамари Джагоз впервые радикальным образом порывает с такой традицией. Для нее оргазм — не просто объект исследования, но и смыслообразующее начало самостоятельной дисциплины, оргазмологии, развиваемой в рамках квир-традиции:

...оргазм, может быть — один из наиболее богатых депозитариев для квир-мышления, т. е. то, что дает возможность думать о сексе вне сексуальности, а о сексуальности вне какой-либо дисциплинарной прагматики. Скорее менее организованный, нежели вовсе не имеющий организации, на страницах книги оргазм представлен в качестве критического термина, отнюдь не исчерпывающегося вопросами политики и удовольствия, практики и субъективности, действия и этики (р. xvii).

Хотя российский читатель, скорее всего, знаком с основами квир-теории, в частности в изложении того же автора [Джагоз, 2008], подобный способ теоретизирования может вызвать удивление и даже отторжение. Не освободившись от диктата модернизма, стремления к прочным и устойчивым понятиям, мы по-прежнему забавляемся игрой в объективность и принуждаем других, менее свободных и умудренных опытом, следовать по пути давно отживших концепций. Примером тому может служить не уходящая в прошлое, бесплодная дискуссия о предмете и объекте исследования. «Рассматривая оргазм как вещь, мы делаем из него объект своего исследования» (р. 212), принуждая себя следовать странному, весьма ограниченному, дискурсу объективации. Рецензируемая книга есть попытка деконструкции укорененного в сознании наукообразия как неприемлемой формы изучения важнейших характеристик человеческого бытия.

Российские интеллектуалы недалеко отстоят от западной академической публики, воспринимающей, порой с надменной брезгливостью, уже вполне сформировавшееся квир-направление. В монографии А. Джагоз проблематизируется современное сознание, присущее всем нам, носителям культурной традиции XX века, и не сводимое к привычному делению на центр и периферию, прогрессивное и отсталое, демократическое и авторитарное, — в котором телесность была вынесена за пределы любого осмысления. Оставшись в рамках традиции строгого определения понятий, концептуальной и операциональной работы, измерительных процедур и дисциплинарных рамок, читатель будет недоумевать над весьма расплывчатыми, перенасыщенными метафорами и тезисами, составляющими ядро книги. Но в этом удивлении и есть ее цель и критический пафос.

Нельзя сказать, что, с одной стороны, перед нами разворачивается укорененная реальность оргазма, с другой — это всего лишь вторичные фигуративные циркуляции. Оргазм — это событие и одновременно экстраполяция этого события в культурном контексте. Скорее, можно говорить, что наше понимание оргазма двадцатого века, как минимум, его телесное переживание, одинаково одурманено как деформациями наших представлений, так и пеленой буквализма (p. 215).

Так становится возможным изучение оргазма в его исторической перспективе, культурно отягощенной стилистическими, прагматическими и социальными репрессиями, производимыми, из самых лучших побуждений, самыми прогрессивными представителями человечества.

Маргинальная позиция

Изучение оргазма маргинально не только по отношению к общему корпусу социальных и гуманитарных исследований. Даже в квир-теории, исследованиях сексуальности, отношений полов, весьма динамично развиваемых с 1990-х гг., оргазму уделяется ничтожно малое внимание. В лучшем случае, это рассмотрение техник, психофизиологических особенностей или визуальных репрезентаций последнего. Оргазм — лишь сенсорно-моторный рефлекс, предельная точка удовольствия, биологическая функция организма, и ничего более. Кроме того, оргазм весьма неустойчив и кратковременен, женский оргазм и вовсе трудно регистрируем и почти не наблюдаем (p. 30)¹. К этому добавляется этическая компонента, запрещающая ставить расширенные экспериментальные планы с людьми, что приводит к доминированию наблюдений за оргазмом в ходе мастурбации (набирая группы добровольцев или получая согласие у пациентов, испытывающих те или иные сексуальные расстройства), с последующим переносом полученных результатов на другие формы полового взаимодействия.

А. Джагоз призывает освободиться от биологической доминанты в изучении оргазма, поскольку только его восприятие и интерпретация в некотором сообществе могут сказать нам о его социальной роли (p. 24), а значит, приблизиться

¹ Совсем недавно эфемерность женского оргазма рассматривалась как недостаток, некоторая неполноценность. Такой взгляд был возможен из-за биологической доминанты в понимании оргазма. В последние годы, когда проблематизируется сама телесность, а оргазм все чаще перестает ассоциироваться с телом, женский оргазм становится одним из наиболее интересных феноменов [Scott, 2015: 3]. Незаметность и проблематичность женского оргазма становится явным достоинством и вызывает постоянно возрастающий интерес исследователей.

к осмыслению места оргазма в текущем культурном пространстве. Тогда сугубо медицинская терминология (клитор, вагина, половые губы и т. д.) и ее «уличные», порой нецензурные, заменители начинают играть важнейшую роль в интерпретации не только сексуальных отношений, но и существующих в обществе ограничений, страхов, убеждений и верований. Эвристический потенциал оргазма как формы человеческого взаимодействия, стимулирующей иные активности, явно недооценен, что приводит к сужению объяснительных возможностей языков описания, будь то политика, экономика или социальная сфера.

Речь не идет о подмене существующих концептов физиологической терминологией. А. Джагоз лишь настаивает на доминантной роли оргазма как в социальных практиках, так и в публичном дискурсе. Социально одобряемые устремления и представления об оргазме зачастую задают пространство и ритм повседневной жизни, а практикуемая сексуальность может интерпретироваться как ключ к пониманию индивидуальности (р. 83). Изучение дискурса и практики оргазма позволяет определить типичные нормы, роли и фобии, поддерживающие текущий социальный порядок.

Одновременный оргазм

XX век прошел под эгидой нормализации сексуальных отношений, направленных на супружескую любовь, укрепление семьи, рождение детей. Об истинном, правильном оргазме долгие годы можно было говорить и думать лишь в контексте гетерозеротизма [Stanley, 2014]. То, что многим представляется очевидным и не-проблематизируемым в отношении секса, по мнению А. Джагоз, претерпевало драматические перипетии на протяжении последних 100 лет. Одновременный оргазм признавался то вершиной супружеских отношений (что позволило говорить о культе совместного оргазма в начале XX века), то весьма редким, неустойчивым явлением, которое нельзя связывать с удовлетворенностью и супружеским счастьем. Аргументов в ту или иную сторону накопилось достаточно, но не это главное в социальной драматургии представлений о сопряженности оргазма двух партнеров.

Я детально рассматриваю одновременный оргазм не потому, что думаю о его привилегированной роли или индексикальном отношении к эротизации взаимодействия между полами, но лишь исходя из того, что он занимал доминирующую роль в дискурсах начала XX века, вновь стал актуален в середине, а в конце стал восприниматься как знак эротической виртуозности. Одновременный оргазм сделал видимым труд гетеронормализации как культурного процесса, нежели обоснования некоторого status quo (р. 44).

А. Джагоз обращает внимание на нормализацию сексуального влечения как основу разговоров о сексе. В научных публикациях и обыденных беседах, связанных с оргазмом, в центре всегда находится устремление к формированию некоторой социальной нормы, поиск объективных условий супружеского счастья. За скобки выносятся многочисленные факты иных взаимоотношений, попытки ремонта разрушающихся влечений, установление иных, нелегитимных, публично не приемлемых форм сексуальности.

Представление о правильном и наиболее эффективном поведении, поиск средств профилактики отклоняющегося поведения стали основой для разговора об оргазме,

совместное проявление которого зачастую воспринималось как предельная цель супружеских отношений. Поэтому изучение одновременного оргазма, написание мануалов и рекомендаций по его достижению нельзя считать лишь эпизодом в изучении сексуальности, частью общего библиографического потока. Одновременный оргазм стал эпифеноменом нормализации сексуальных отношений, преодолением «генитального инфантилизма», создающим рамку как для осмысления происходящего, так и для разработки средств терапии, изменяющих текущие половые практики, например, техники коитального выравнивания (Coital Alignment Technique, CAT).

Как естественный, так и специально организованный одновременный оргазм — весьма амбивалентная фигура в новых супружеских руководствах. С одной стороны, они обещают переключить гонку за удовольствием в постоянные ритмы и пульсации сексуального порядка, предполагаемой нормальности, которая может рассматриваться как функция некоторой ориентации в текущем историческом моменте, когда культурные регуляции и ценности о браке, любви и сексе радикальным образом переконфигурируются. С другой — одновременный оргазм с его обращением к понятиям эффективности, синхронизации, стандартизации и логик движения во времени, присущих индустриальной жизни, связывает улучшение с прогрессом, инновациями и будущим (р. 62—63).

Одновременный оргазм рассматривается А. Джагоз как феномен модерна, индустриального способа мышления, не оставляющего никаких оснований для иных, мануфактурных или частных проявлений влечения, подчиняя сексуальные практики некоторым универсальным нормам и принципам. Проблематичность и неустойчивость одновременного оргазма, в случае не подвергаемой сомнению нормативности, приводит как к половой депривации женщин (многие из которых вовсе не испытывают оргазм в силу неподготовленности, отсутствия знаний и навыков для этого), так и к практикам имитации оргазма (которым посвящена гл. 5), широко распространенным в отношениях между полами.

Регистрация разнообразия

Любые отклонения от гетеросексуальных отношений, ограниченных лишь официальным браком, рассматриваются А. Джагоз как формы протеста и разнообразия сексуальных практик, освобождающих человека от диктата укорененной в социальном дискурсе нормы. Вслед за Мишелем Уорнером [Warner, 1993] она пишет о доминанте гетеронормативности, определяющей супружество как базовую форму человеческих отношений, модель гендерных связей, выступающую основанием для поддержания и воспроизводства общности (р. 48). Совместный оргазм в такой модели становится знаком наибольшей близости, причем доминантная роль остается за мужчиной. Именно он через достижение экстаза и семяизвержение сигнализирует женщине о подходящем для оргазма моменте. Единственным наблюдаемым следом оргазма остается сперма, женские психофизиологические реакции лишь сопровождают эякуляцию. Следовательно, имитация оргазма, обычно воспринимаемая в качестве защитной реакции женщины от мужского доминирования, может трактоваться как становление альтернативной сексуальности в рамках гетеронормативной идеологии, экспериментирование с возможными переживаниями оргазмических практик.

Вне всяких сомнений, имитация оргазма (fake orgasm) — это часть сети эффектов и поступков, которые натурализуют такие доминантные культурные нормы, как маскулинизация сексуального желания, представление половых отношений в качестве значимого акта гетеросексуальности и рассмотрение оргазма как правдивого выражения сексуальной самости. Этот бесспорный факт, тем не менее, говорит о возможности рассмотрения имитации оргазма, и рассмотрении весьма обоснованном, как инновативной сексуальной практики, делающей доступным фемининный способ самовоспроизводства в весьма ограниченном поле возможностей (р. 296).

А. Джагоз подробно описывает визуальные представления оргазма в кинематографе (в том числе имеющем отношение к порноиндустрии) и научной среде. В первом случае оргазм зачастую связан с образами гениталий и лица как лучшего заменителя последних и способа представления переживаемых эмоций. Во втором исследователи чаще прибегают к графическим средствам, позволяющим визуализировать результаты психофизиологических замеров. А. Джагоз подчеркивает, несмотря на явные различия в репрезентации оргазма, налицо общая тенденция поиска наиболее эффективных средств, позволяющих отразить особенности этого явления (р. 174). Однако ни одна попытка не достигает успеха. Оргазм по-прежнему остается плохо изученным объектом, и его восприятие строится скорее на нарушении этических запретов, нежели на стремлении разобраться в особенностях проявления, понять роль в личной жизни.

Индивидуальные техники

При доминирующем дискурсе гетеросексуального оргазма текущие повседневные практики женщин (как впрочем, и мужчин) больше связаны с самоудовлетворением, отношение к которому претерпело несколько стадий. На первой, во второй половине XIX века, электромеханическая стимуляция клитора и вульвы считалась нормальным и весьма распространенным средством для терапии сексуальных отклонений, к ней не раз прибегали практикующие врачи. Разговоры о мастурбации и самоудовлетворении считались скорее неуместными, нежели опасными. О научных публикациях не могло идти и речи. Эта практика была невидима для научного сообщества.

На второй стадии, приходящейся на большую часть XX века, любые средства стимулирования рассматривались как недопустимые, аморальные приемы, а мастурбация и вовсе диагностировалась в качестве заболевания и психического расстройства. Наконец к концу прошлого века, на третьей стадии, сопровождавшейся либерализацией сексуальных отношений и легитимацией иных, не связанных с супружеством, форм сексуальной активности, разговоры о самоудовлетворении уже не вызывали отчуждения и неприятия, а тексты и руководства по сексуальным практикам стали включать их в списки рекомендуемых приемов.

Именно индивидуальные техники сломали монолитные представления об одновременном оргазме как предельной форме сексуальных отношений. Сохраняя представления об оргазме как интерактивном, социально конструируемом явлении (при всей детерминированности психофизиологическими особенностями организма), легитимация индивидуальных техник его достижения существенно расширила представления о репертуаре допустимых сексуальных практик и воз-

возможности его развития и совершенствования. Безусловно, речь не идет о но-
вации как таковой, поскольку люди всегда прибегали к тем или иным формам
самостимулирования.

*Тенденция представлять сексуальные удовольствия прошлых поколений, в лучшем
случае рудиментными версиями наших собственных, может быть не чем иным, как ис-
торической оккупацией предельно индивидуализированной способности современных
режимов сексуальности или более банального случая нашей самодовольной или трав-
матичной неспособности представить, в отличие от множества противоречивых случаев
нашей собственной жизни, что наши родители когда-либо занимались сексом (р. 81).*

Изменился лишь публичный дискурс о сексуальных отношениях. Последние
вытеснили разговоры о любви из сферы романтических, духовных отношений
в область сексуального влечения, которая, в свою очередь, существенно расши-
рилась различными практиками договорных отношений с партнером, в том числе
совместно конструируемыми приемами самоудовлетворения.

Критическая позиция

Последовательно разбирая различные сюжеты, связанные с оргазмом²,
А. Джагоз подчеркивает принципиальное отличие оргазмологии от любых теорий
сексуальности. Речь идет не о техниках и практиках половых отношений, а о спе-
цифическом объекте человеческого существования, через который становится
возможна критика социального порядка и доминирующих в нем отношений.

Оргазмология — это прежде всего критика власти, нормативного видения
мира через отказ от деления действий на должные и недопустимые исключи-
тельно из внешних, предустановленных кем-то норм. По А. Джагоз, оргазмология
выступает составной частью квир-теоретизирования и феминистской критики
существующего положения дел. М. Луминаис отмечает, что «не так много людей
занимается изучением сексуальности, однако все социальные исследователи
имеют дело с людьми, которые сексуальны по своей природе» [Luminais, 2014: 2].

Бесполое существа, населяющие научные монографии, претендующие на опи-
сание социальности, стали возможны, в том числе, благодаря представлениям
о нормальности и оправданности такой ситуации. Критика нормальности с по-
зиций квир-теории открывает иные перспективы на критику социального как
такового.

Нет иного пути осмысленного и справедливого сосуществования, кроме откры-
того диалога, предъявления аргументов и разрешения спорных ситуаций посред-
ством принятия или отрицания позиции другого. Однако последнее не должно
опираться на насилие. Нет таких самых праведных и светлых идеалов, которые бы
оправдывали разрушенные жизни не похожих на праведников людей.

² С. Авидар-Вальцер подчеркивает, что монография А. Джагоз методологически построена как набор различных кейсов (case study), направленных на актуализацию важнейшего различия, сформированного XX веком, — про-
тивопоставление нормы и патологии, или установление правил нормальности в сфере человеческих отношений [Avidar-Walzer, 2013]. Отсутствие единого концептуального аппарата и анализ, казалось бы, разрозненных материалов позволяют автору монографии практиковать иной способ теоретизирования, связанный с квир-направлением и запрещающий формировать отчуждаемые, устойчивые концептуальные конструкции.

А. Джагоз не затрагивает в «Оргазмологии» религиозные вопросы, полностью редуцируя полемику о сексуальности до материальных, экономических и социальных отношений. Даже когда речь идет об идеологии, последняя объясняется исключительно повседневными предрассудками и историческими событиями. Подобный материалистический детерминизм имеет долгую традицию в критическом подходе. Однако целостной картина проблем сексуальности может стать лишь при включении религиозной догматики в поле дискуссии. Это, пожалуй, единственный концептуальный пробел в книге. Отсутствие постановки вопросов о религиозности снижает радикальность феминистского поворота в гуманитарном знании, одним из ярких представителей которого, безусловно, выступает Аннамари Джагоз.

«Пластичная сексуальность», по Э. Гидденсу, или «интимное гражданство», по К. Пламмеру, отражают особенности современного взгляда на мир, в котором уже нельзя различать частное и публичное, скрывая последнее от критики и рефлексии. Соккрытие обыденного, непроговоренность значимого, затенение проблематичного — все это черты общества модерна, нацеленного на реализацию установленных идеалов. Но поскольку достижение многих из них проблематично, люди сначала стараются не замечать происходящее, затем скрывать и наконец наказывать и изолировать тех, кто отклоняется от указанных норм и преставлений. Привычка жить в непротиворечивом, надуманном мире создает благоприятные условия для античеловечных режимов, как правило, прикрывающихся высшими идеалами и ценностями. Актуализация странных, не допустимых для многих, различий позволяет А. Джагоз не только заострить этические и мировоззренческие затруднения современности, но и показать возможности критического подхода, опирающегося на базовые интенции человека, основания его идентичности.

...современный секс — это в меньшей мере возможность подлинного проживания своей жизни, скорее это рост подлинности (authenticity) как регистра самоидентичности и проявления сексуальности в качестве интерпретативного ключа к индивидуальности (р. 83).

Быть собой — это, в том числе, осознавать свою телесность и сексуальность (которая может принимать различные формы, вплоть до отрицания и полного воздержания от прямых сексуальных контактов), не прятать ее в закоулки приватности, не стыдиться и не впадать в искушение быть нарушителем, пребывать в пространстве недозволенного. Непроговоренное, скорее, травмирует и ограничивает человека, чем предоставляет ему свободу.

Книга А. Джагоз об оргазме наглядно демонстрирует, насколько травматичным может быть сексуальный опыт для людей и целых поколений, если пытаться упаковать его исключительно в приватную, интимную, закрытую для обсуждения и осмысления сферу. Сексуальность и оргазм как предельное ее проявление — понятия политические в той же мере, в которой все мы — продукты политических трансформаций.

Список литературы

Джагоз А. Введение в квір-теорию / пер. с англ. М. Кукарцевой ; отв. ред. В. Е. Кашаев. М. : Канон+ : Реабилитация, 2008. 208 с.

Warner M. Introduction // Fear of a queer planet : Queer politics and social theory / ed. by M. Warner. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1993. P. vii–xxxii.

Avidar-Walzer S. Beating around the bush : Annamarie Jagose's «Orgasmology» // Los Angeles Review of Books. 2013. 26 June.

Stanley H. Orgasmology // Canadian Journal of History. 2014. Vol. 49. No. 1. P. 172—174.

Scott K.-L. Orgasm without bodies [Электронный ресурс] // World Picture. 2015. Vol. 10. URL: http://www.worldpicturejournal.com/WP_10/pdfs/Scott_WP_10.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Luminais M. Orgasmology by Annamarie Jagose [Электронный ресурс] // International Social Science Review. 2014. Vol. 89. No. 1. Article 12. URL: <http://digitalcommons.northgeorgia.edu/issr/vol89/iss1/12> (дата обращения: 25.08.2015).